

Роль школы-интерната в процессах языкового сдвига лесного ненецкого языка: кейс Пуровского района ЯНАО¹

Денис Андреевич Шачин

*Центр социокультурных и этноязыковых исследований
факультета гуманитарных наук,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Москва, Россия
dshachin@hse.ru*

Статья исследует влияние школы-интерната в городе Тарко-Сале на процессы языкового сдвига лесного ненецкого языка среди её воспитанников. В работе концентрируется внимание на языковой политике региона и её реализации на местах. Использование лесного ненецкого языка на повседневной основе в школе, а также отсутствие строгих запретов на его использование, способствовало сохранению языка у учеников. Изоляция школьного быта более старших информантов от русскоязычной среды и строгость распорядка дня создавали условия для формирования вынужденного языкового гнезда, где лесной ненецкий язык оставался основным средством общения. На основе собранных данных делается предположение о начале языкового сдвига среди носителей лесного ненецкого языка с развитием Тарко-Сале в 1980-х гг. Причиной этого могли стать расширение городской инфраструктуры и появление новых стратегий развития карьеры после выпуска из школы, которые ослабили навык лесного ненецкого языка среди более младших поколений. До экономических преобразований школа-интернат играла центральную роль в жизни воспитанников, поскольку внешняя среда поселка не предлагала значимых активностей и занятий для школьников, ограничивая их взаимодействие ненецким окружением.

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 году.

Ключевые слова: лесной ненецкий язык, нешанский язык, школа-интернат, языковой сдвиг, языковая политика, ЯНАО

Для цитирования: Шачин Д. А. Роль школы-интерната в процессах языкового сдвига лесного ненецкого языка: кейс Пуровского района ЯНАО. *Родной язык*, 2025, 1: 72–98.

DOI: 10.37892/2313-5816-2025-1-72-98

The role of the boarding school in Forest Nenets language shift: A case study from the Purovsky District

Denis Andreevich Shachin

*Centre for Sociocultural Research of the Faculty of Humanities,
HSE University
Moscow, Russia
dshachin@hse.ru*

The present article examines the influence of the boarding school in Tarko-Sale on language shift among students who are mother-tongue speakers of Forest Nenets. The study focuses on the interplay between official language policy in the district and its local implementation. In the past, the use of Forest Nenets in daily school life, combined with the absence of strict prohibitions on its use, contributed to the language's preservation among boarding school students. For the older generation of students, the isolation of their life at boarding school from the surrounding Russian-speaking environment, together with the school's strict daily schedule, created the necessary conditions for the accidental formation of a language nest where Forest Nenets was the primary language for communication. Based on the collected field data, it appears that language shift among Forest Nenets speakers began with the development of Tarko-Sale in the 1980s. The shift was likely driven by the expansion of urban infrastructure and the development of new career strategies for students after graduation. This policy destabilized the use of Forest Nenets among younger generations of students and weakened its status. Before the economic transformation began, the boarding school had held a central role in the students' lives. The environment of old Tarko-Sale offered very few activities and limited students' interaction to only the Forest Nenets-speaking community.

Keywords: Forest Nenets language, Neshan language, boarding school, language shift, language policy, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug

For citation: Shachin D. A. The role of the boarding school in Forest Nenets language shift: A case study from the Purovsky District. *Rodnoy yazyk*, 2025, 1: 72–98.

DOI: 10.37892/2313-5816-2025-1-72-98

Введение

Вопрос о судьбе языков коренных малочисленных народов Севера остается предметом пристального внимания в разных сферах науки. Изначально язык является вписанным в повседневность носителей, где на его сохранность может влиять множество факторов — от привитых языковых установок из детства до выбора профессии во взрослом возрасте. Именно в таких обыденных обстоятельствах и происходят значимые языковые изменения.

Настоящая работа посвящена изучению школы-интерната в городе Тарко-Сале Ямало-Ненецкого автономного округа как важного институционального пространства, оказавшего влияние на языковую ситуацию в сообществе лесных ненцев. Роль интерната в контексте нешанского (лесного ненецкого) языка долгое время оставалась на периферии научного внимания. Лесной ненецкий, не имеющий официального статуса и полноценной учебной базы, остается в значительной степени зависим от бытовых и семейных сфер использования. В этом контексте школьное пространство может становиться потенциальной угрозой для языковой витальности, когда внешняя русскоязычная среда оказывается доминирующей в жизни людей.

Предпосылки языкового сдвига

Ненцы — коренной малочисленный народ севера России, относящийся к самодийской группе. По итогам Всероссийской переписи населения за последние 20 лет численность носителей ненецкого языка уменьшилась с 31 тыся-

чи в 2002 году до 24 тысяч в 2020 году [ВПН 2002; ВПН 2020]. Вместе с тем надо учитывать, что данные переписей населения не всегда в полной мере отражают численность коренных малочисленных народов. В частности, методы проведения переписи объединяют лесных ненцев в одну группу с тундровыми, что затрудняет отдельную оценку их численности. В некоторых регионах Российской Федерации ненецкий язык признается официальным, что гарантирует ему меры поддержки со стороны государства. Например, статус в ЯНАО позволяет использовать язык в делопроизводстве в местах проживания КМНС, а также предоставляет часы для уроков родного языка в школах [Нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации 2011]. Ненецкий язык обладает значительным внутренним разнообразием и представлен, в частности, тундровым и лесным (нешанским) идиомами. Работы современных лингвистов показывают, что нешанский должен рассматриваться как отдельный от тундрового. Например, в пользу этого может свидетельствовать низкий уровень лексической общности в двух языках [Коряков 2018: 158]. На практике это выражается в крайне низком уровне взаимопонимания между представителями двух групп, что часто фиксируется в полевых наблюдениях. По оценкам специалистов, на сегодняшний день существует примерно тысяча человек, владеющих лесным вариантом ненецкого языка [Малые языки России: Нешанский язык 2024].

Принято считать, что строгая языковая политика, реализовавшаяся в советских школах-интернатах, сыграла ключевую роль в процессе языкового сдвига среди коренных малочисленных народов Севера [Grenoble 2003: 169]. Языковым сдвигом называется ситуация, в которой какой-то язык исчезает из своих сфер использования и заменяется другим языком [Вахтин, Головкин 2004: 111]. В контексте данного исследования речь идет о замещении миноритарных языков русским. Х. Зассе подчеркивает, что критической точкой в процессе языкового сдвига становится отказ семьи от межпоколенческой передачи языка [Sasse 1992: 13]. Такое решение, как правило, не является спонтанным, а

формируется под влиянием целого комплекса причин. Считается, что одной из этих причин является идеологическое и практическое внушение, которое осуществлялось образовательными учреждениями. В период с 1930-х до середины 1980-х годов советская языковая политика реже фокусировалась на идиомах коренных народов, возлагая на интернаты ответственность за адаптацию детей к оседлому образу жизни в системе доминирующей культуры [Вахтин 1993: 44]. В этом контексте русский язык выступал не только как средство образования, но и как инструмент социализации для «более прогрессивного» образа жизни. Его изучение было обязательным условием для успешной интеграции в советское общество. При этом система интернатов часто лишала детей выбора: родной язык не только не поддерживался, но и сознательно вытеснялся из повседневности. Это выражалось, в частности, в запрете использовать родной язык в школьной среде. Такую политику можно расценивать как попытку превратить русский язык во второй родной для большинства представителей меньшинственных групп [Алпатов 2000: 103].

Тем не менее, языковая политика в отношении коренных народов СССР не была однородной ни во временном, ни в территориальном аспекте. Запреты на использование родных языков не носили повсеместного характера, а их интенсивность могла существенно отличаться даже в населенных пунктах одного и того же региона [Liarskaya 2013: 16]. В своей работе Н. Б. Вахтин указывает на отдельные случаи из советской образовательной практики, когда использование родного языка допускалось в школьной среде. В числе таких языков автор называет и ненецкий [Вахтин 1993: 45]. При этом автор не конкретизирует, какой именно вариант ненецкого языка имел это исключительное положение — тундровой или лесной (нешанский).

В последнее время проблема языкового сдвига всё чаще становится предметом интереса в рамках социолингвистики, лингвистической антропологии, а также в образовательной политике государства. В ряде исследований пред-

принимаются попытки осмыслить влияние этнокультурного компонента школьного образования на детей коренных малочисленных народов Севера [Ткачук 2023: 394]. Отдельно рассматриваются вопросы территориальной доступности образовательных учреждений [Давыденко и др. 2022: 45]. Наряду с этим в фокусе внимания находятся особенности функционирования образовательных структур для КМНС и способы, с помощью которых они стремятся поддерживать свои языковые практики [Малышева, Набок 2015: 140]. Тем не менее, несмотря на нарастающее внимание к этой теме, остается множество аспектов, которые могут получить больше внимания [Гренобль 2021: 28]. В частности, формы воздействия языковой политики, реализуемой на местах через бытовую, повседневную и досуговую практику. В существующей литературе пока отсутствуют работы, которые напрямую рассматривали бы, как именно организация детского быта в интернатной системе могла влиять на сохранение или утрату кейса лесного ненецкого языка. Наличие таких лакун особенно заметно при попытке анализа языковой ситуации кейса на примере Пуровского района ЯНАО. Кроме того, отдельные наблюдения Н. Б. Вахтина о том, что ненецкий язык, по сравнению с рядом других языков КМНС, подвергался меньшим ограничениям в интернатах, могут получить новое осмысление в исследовательской перспективе [Вахтин 1993: 45]. В этой связи представляется актуальным обращение к исследовательскому вопросу, направленному на выявление взаимосвязей между образовательной политикой интернатов и изменениями в языковой практике воспитанников: каким образом условия школьного быта могли способствовать поддержанию или, напротив, утрате лесного ненецкого языка в повседневной жизни? Такой фокус позволяет расширить представления о механизмах языкового сдвига, обращаясь не только к воздействию государственной языковой политики, но и к её локальному применению в конкретных условиях Крайнего Севера.

Методы исследования

Настоящее исследование опирается на методологическую рамку современной социолингвистики и исследований в области языковой политики. Отдельно делается акцент на применении языковых идеологий в работе институциональных акторов. В данной работе я рассматриваю языковой сдвиг как часть социального процесса, тесно связанного с образовательными практиками и политическим контекстом государства.

Целью моего исследования является анализ языковых биографий и установок участников, связанных с опытом обучения в школе-интернате в городе Тарко-Сале Пуровского района ЯНАО, с намерением выявить, каким образом прямые и косвенные ограничения на язык могут влиять на vitalность. Структура работы включает несколько разделов. В первом разделе я рассматриваю особенности функционирования школы-интерната как института, играющего роль посредника между государственной языковой политикой и индивидуальными траекториями носителей. Затем я анализирую мотивации и стратегии использования языка, выявленные в ходе интервью, включая восприятие участниками собственного языкового опыта. В следующем разделе я уделяю внимание тому, как формируются и воспроизводятся языковые установки в условиях интернатной системы, с акцентом на феномен языкового сдвига. В заключительной части я анализирую полученные данные.

Основным методом сбора эмпирического материала выступают полуструктурированные интервью. На первом этапе данные были транскрибированы и обработаны. На втором этапе я категоризировал данные по тематическим разделам, после чего провел качественный анализ с последующей интерпретацией. Интервью проводились с людьми, имеющими различную степень вовлеченности в образовательный процесс в школе-интернате, что позволило получить данные как о личном восприятии языка, так и о социальных и институциональных установках. Метод полуструктурированных интервью позволяет глубоко исследовать

довать индивидуальный опыт информантов и субъективный опыт языкового сдвига, образовательные и жизненные стратегии. Всего в рамках исследования было собрано 18 интервью — 15 информантов (13 женщин и 2 мужчин) и 3 эксперта². Все информанты имели опыт обучения в школе-интернате города Тарко-Сале. Все интервью были проведены с предварительного согласия участников. Сбор данных осуществлялся в рамках летней экспедиции в 2024 году при поддержке проекта «Открываем Россию заново» Фонда образовательных инноваций НИУ ВШЭ.

Лесной ненецкий язык и общество

Считается, что лесной ненецкий язык традиционно имел ограниченную сферу функционирования. Из-за отсутствия взаимопонимания двух вариантов языка нешанский оказался в положении «двойного миноритария»: с одной стороны, как язык малочисленного народа, а с другой стороны, как идиом, не интегрированный в более широкое ненецкое сообщество. Отсутствие взаимопонимания с тундровыми ненцами могло способствовать сужению области использования лесного ненецкого языка до границ локального сообщества, проживающего преимущественно на территории современного Пуровского района. Как правило, лесной ненецкий язык функционировал в рамках семейного общения, в контексте традиционного образа жизни, а также в ритуальной практике. На сегодняшний день именно эти сферы способствуют сохранению и передачи языка следующим поколениям.

Языковое окружение носителей варьировалось в зависимости от возраста человека, занятости родителей и типа социальной мобильности. В раннем детстве большинство детей росло в относительно замкнутой монолингвальной среде с минимальным воздействием русского языка. Исключение могли составлять случаи, когда родители работали в оленеводческих бригадах. В подобных условиях

² См. Приложение 1.

дети могли слышать русскую речь от взрослых, не всегда осознавая её смысл. В последнее время ситуация начала развиваться немного иным способом. Доступ к гаджетам и русскоязычным мультимедиа у детей провоцирует более раннее столкновение с русским языком. В некоторых случаях родители осознанно обучают детей русскому с младшего возраста. Хотя на сегодняшний день также могут встречаться и монолингвальные дети [ПМА 2024].

В СССР полное погружение детей в русскоязычное пространство происходило, как правило, только в школьном возрасте. С середины 1950-х годов, когда государство начало активное внедрение обязательного среднего образования на территориях Крайнего Севера, образ жизни коренных малочисленных народов, в том числе лесных ненцев, начал меняться [Хаминов 2022]. Если ранее семьи могли частично избегать участия детей в школьном образовании, то после этого периода уклонение стало практически невозможным. Одной из причин стало усиление контроля в условиях территориальной удаленности. Администрации школ получали доступ к воздушному транспорту, что позволяло представителям учреждения добираться до труднодоступных стойбищ на вертолетах и забирать детей силой. Память о страхе перед вертолетами сохранилась в сознании информантов на многие годы. По их свидетельствам, в попытке избежать отправки ребенка в школу, родители нередко прятали своих детей в лесу. Такое могло происходить даже несмотря на высокие риски:

- (i) **Инф:** Вертолетом в конце августа нас забирали. Мы бегом в лес прятаться. До этого медведя боялись постоянно, а тут ничего не боимся. [Отец] лично возил меня на оленях в тундру, прятал [ж, 1970 г. р.].

Следует отметить, что отношение к обязательному среднему образованию со стороны лесных ненцев не всегда было однозначно негативным. Восприятие школьного обучения могло изменяться от поколения к поколению детей внутри одной семьи. Эти изменения не имели строго определенного направления. В одних случаях восприятие стано-

вилось более лояльным, а в других наоборот усиливалось отчуждение и неприятие. Существенную роль в формировании семейных установок играли старшие дети. Их опыт обучения становился ориентиром для младших, а также влиял на решение родителей относительно будущей образовательной траектории:

(ii) **Инф:** Я поздновато пошла в школу, в 8 лет.

Инт: Родители не хотели, чтобы Вы пошли в школу?

Инф: Особенно отец не хотел. Но так как я младший ребенок в семье, наверное поэтому [отпустили]. Братья и сестры мои вообще не учились... Отец не отдавал. Брат уже трудился с 14 лет [ж, 1962 г. р.].

В ходе полевой работы мне удалось провести интервью с представителями разных поколений лесных ненцев. Почти все информанты родились в многодетных семьях и занимали в них положение средних или младших детей. В таком контексте именно старшие сиблинги становились первыми членами семьи, прошедшими через опыт обучения в школе-интернате. Фактически, они играли роль неформальных проводников в образовательную систему. Эта роль проявлялась в передаче личного опыта младшим через практические советы и рассказы о жизни вне дома. Старшие дети, например, могли объяснять правила поведения в городской среде, предупреждать о потенциальных рисках, делиться информацией о школьных требованиях и нормах поведения:

(iii) **Инф:** Меня в семь лет подготовили, что я пойду в школу. Мне сказал брат. Наверное, они с мамой решили. Старшие сестры показывали фотографии из школы, говорили: «Вот, это будет твой класс. Это будет твоя учительница» [ж, 1965 г. р.].

(iv) **Инф:** В первую очередь говорили, что будешь скучать по родителям, будешь хотеть приехать обратно в чум. Для тебя все равно, что-то незнакомое будет [ж, 1991 г. р.].

Долгое время интернат работал только с детьми коренных малочисленных народов. Работники интерната рассказывают, что до 2020-х в школе учились только лесные ненцы и селькупы, где вторые находились в абсолютном меньшинстве, их количество не превышало нескольких человек в каждом классе. Информанты разных возрастов, с которыми мне удалось побеседовать в рамках полевой работы, отмечают, что не сталкивались с прямыми запретами на использование нешанского языка в школах-интернатах. По их словам, они свободно использовали родной язык в общении с одноклассниками, особенно в неформальной обстановке. Однако, несмотря на официальные запреты, в разные периоды в учреждениях всё же практиковались воспитательные установки, направленные на поощрение использования русского языка. В частности, информантка делится воспоминанием, когда воспитатели просили использовать русский язык в присутствии не владеющих нешанским. Даже без официальных ограничений могла создаваться ситуация скрытого давления, при котором использование родного языка воспринималось как неуместное или нежелательное в публичных контекстах:

- (v) **Инф:** [говорили] «Вас никто не понимает. Если ты находишься в [публичном месте], надо, чтобы тебя все понимали» [ж, 1971 г. р.].

Подобные практики вряд ли можно квалифицировать как полноценный запрет на использование языка. Скорее всего, мотивация не носила выраженного идеологического характера, а была связана с бытовыми и коммуникативными соображениями. Один из информантов, вспоминая свой опыт обучения в интернате, говорил, что сталкивался с похожими ограничениями, однако никогда не воспринимал их негативно. По мнению мужчины, уместно говорить не столько об ограничительной языковой политике, сколько о повседневных практиках, в которых язык маркировался как «неудобный» в присутствии не владеющих им участников общения:

- (vi) **Инф:** Они-то думали, что мы про них что-то говорим. Может из-за этого? Вот сейчас [иностранцы] между собой по-своему говорят. Я им говорю: «Вы по-русски говорите!» Я же не понимаю их. Везде так. И в армии так было [м, 1951 г. р.].

На основании собранных данных невозможно сделать однозначный вывод о позиции сотрудников администрации школы-интерната по отношению к нешанскому языку. Хотя в отдельных случаях фиксируются попытки ограничить его использование, эти меры, скорее, не носили явно системного характера. В отличие от практик, документированных в ряде других школ-интернатов в СССР, действия в Тарко-Сале, по всей видимости, были ситуативными и незакрепленными в устоявшихся практиках. Русский язык внедрялся в повседневную жизнь воспитанников не столько посредством директив, сколько за счет содержания и структуры школьной программы. Как отмечают информанты, со временем его доля в их языковом репертуаре возросла естественным образом — через учебный процесс, общение и адаптацию к новой среде. Одна из информанток вспоминает, что русский язык постепенно начал вытеснять лесной ненецкий из её повседневного употребления. При этом, по её словам, некоторые учителя считали, что этническое происхождение школьников не позволит им забыть язык. Информантка не уточняет, что именно стало поводом для подобного комментария со стороны учителя. Этот эпизод демонстрирует не столько наличие четко артикулированной позиции, сколько сложность и неоднозначность языковой ситуации в интернатной системе, где формальные и неформальные практики могли существовать без ясной нормативной опоры:

- (vii) **Инт:** Со временем в школе [одноклассники стали чаще говорить по-русски]?

Инф: Да, потому что все предметы [были на русском языке]. Даже учительница говорила: «Вы же из семьи лесных ненцев. Скорее всего, вы его и не забудете» [ж, 1994 г. р.].

Досуг, языковые и жизненные стратегии учеников школы-интерната

Существует ряд практик, которые показывают, что обучение КМНС в школе-интернате принципиально отличается от обучения в общеобразовательных школах. Одним из ключевых отличий является то, что дети не только учатся, но и проживают на территории интерната в течение всего учебного года. Такая организация существенно влияет на их повседневную жизнь и образовательный процесс. Одной из центральных особенностей системы интернатов является строгий распорядок дня. Жизнь учащегося структурирована по часам. Каждый этап от отбоя до подъема регламентирован. Предполагалось, что подобная организация будет способствовать формированию дисциплины и навыков ответственности, необходимых для адаптации к оседлому образу жизни. В условиях плотного расписания особую роль в повседневности воспитанников играет досуговое время. Оно, как правило, располагается между обедом и вечерним отбоем и становится возможностью не только для отдыха, но и для участия в различных активностях внутри школы. Важно отметить, что такой досуг может быть спонтанным, либо же организованным. Во втором случае воспитатели предлагали детям участие в кружках, секциях или творческих студиях.

Форма внеурочной активности менялась со временем. Опыт школьной жизни в интернате Тарко-Сале в 1960-х годах заметно отличался от практик, характерных для середины 1980-х. Поселок Тарко-Сале был основан в 1932 году как временный административный центр. Уже в 1933 году в здании районного исполкома начала работу школа-интернат, занимавшая тогда лишь один кабинет [Старейшая в районе... 2024]. Со временем школа получила отдельный комплекс зданий, однако всё время своего существования она меняла свое расположение и площадь в черте населенного пункта. Причиной, по-видимому, стал характер застройки. До конца XX века в Тарко-Сале преобладали дере-

вянные постройки. В отличие от многих других населенных пунктов, поселок на протяжении десятилетий сохранял практически неизменный внешний облик. Это отмечают и старшие информанты, для которых визуальное и структурное преобразование стало заметным в период их осознанного возраста:

(viii) **Инт:** А сильно город изменился [со времен вашего детства]?

Инф: Сильно. Раньше деревушка была. Много людей приехало. Начал меняться с 1980-х годов. [ж, 1950 г. р].

В 1986 году основывается государственное производство «Пурнефтегаз» с целью разработки группы нефтегазовых месторождений в приполярной зоне Ямало-Ненецкого автономного округа [ООО «РН-Пурнефтегаз» 2024]. Появление компании стимулировало развитие Пуровского района. В том числе начала развиваться инфраструктура поселка Тарко-Сале, получившая в то время большое количество новых социальных институтов, прежде отсутствующих: детские сады, общеобразовательные школы, центры дополнительного детского образования.

До середины 1980-х годов быт учеников школы-интерната в городе Тарко-Сале был в значительной степени ограничен территорией самого учебного заведения. Ученики практически не покидали территорию школы, что влияло на их образ жизни, на особенности языкового окружения, и социализацию. В условиях ограниченного взаимодействия с внешней средой дети проводили большую часть времени внутри интерната, преимущественно в общении со сверстниками. Такая замкнутая среда могла способствовать сохранению и поддержанию нешанского в сфере повседневной коммуникации. Общение в пределах интерната происходило преимущественно на родном языке, что формировало устойчивую языковую практику. Возможности контакта с русскоязычным большинством были минимальны, а повседневное общение ограничивалось школой и инфраструктурой населенного пункта. В таком контексте

те уровень доступа к внешнему миру становится фактором, который может косвенно влиять на степень представленности лесного ненецкого среди младших поколений.

В рамках полевых интервью я задавал информантам вопросы, касающиеся их опыта жизни за пределами школы. Ответы, полученные от разных возрастных групп, демонстрируют четкую зависимость от возраста и степени вовлеченности во внешнюю среду. В частности, чем моложе информант, тем более насыщенным оказывался его опыт взаимодействия с социокультурным пространством за пределами интерната:

(ix) **Инт:** А я слышал, что можно было выходить за территорию интерната.

Инф: Это более старших отпускали, а младшим нельзя.

Инт: А куда можно было пойти?

Инф: В магазин можно пойти, можно пойти к родственникам, либо просто пойти прогуляться по городу [ж, 1984 г. р.].

В то же время старшее поколение информантов, чье детство пришлось на 1950–1960-е десятилетия, часто затруднялись подробно рассказать, чем именно они занимались вне рамок обязательного расписания и выполнения домашних заданий. Их воспоминания о досуге за пределами формальной образовательной деятельности были, как правило, фрагментарными. Напротив, представители более молодых поколений, чье детство пришлось на 1970–1980-е и позже делились более разнообразным и насыщенным опытом взаимодействия с внешней средой. Показательным в этом отношении становится упоминание информантов о социальных конфликтах между воспитанниками интерната и «поселковыми» лесными ненцами — детьми, чьи семьи осели в Тарко-Сале. Несмотря на этническое родство, отношения между группами были напряженными. Городские дети владели нешанским языком, однако нередко избегали его использования в публичном пространстве, ис-

пытывая некоторое стеснение. При этом учащиеся интерната воспринимались ими как «другие». По моему мнению, появление «поселковых» как отдельной группы может свидетельствовать о трансформации языковой ситуации в регионе. Их присутствие указывает на формирование типа городских носителей, частично интегрированных в русскоязычную среду. Подобные социальные изменения могут указывать на изменения роли лесного ненецкого языка в социальной стратификации самого нешанского сообщества. Начиная с 1980-х годов язык встречает новую форму конкуренции, оправданную большим количеством сфер применения. На их фоне сферы применения нешанского языка могут заметно сокращаться:

(х) **Инт:** Они [поселковые] знали родной язык?

Инф: Знали, но как-то стеснялись. Они считали нас, кочевых, дикарями. Несовременными, отсталыми... Я даже помню, как одна женщина-ненка, она осела давно, приходила на разборки, кто-то обидел ее сына или дочь. Я запомнила, она говорила: «Ты ничего в жизни не добьешься, ты просто поедешь жить в тундру». Она говорила это на русском. [ж, 1980 г. р.].

Развитие городской инфраструктуры и расширение поселка могли оказывать влияние на формирование новых жизненных стратегий у представителей лесного ненецкого сообщества. Собранные данные свидетельствуют о том, что для старшего поколения лесных ненцев обычной образовательной траекторией было завершение восьми классов школьного образования. В ряде случаев обучение могло прерываться и раньше. После школы большинство людей возвращались в стойбища, где продолжали вести традиционный образ жизни, связанный с оленеводством и природопользованием. Другой траекторией могло быть трудоустройство в совхозах, где была занята значительная часть представителей лесного ненецкого населения:

- (xi) **Инф:** Первое время в интернате нравилось. Потом скучно стало без родителей. Окончил восемь классов, рыбаком устроился. Родители были рыбаки на озере, раньше у нас завод стоял. [м, 1951 г. р].
- (xii) **Инф:** Я же мало училась — семь классов, последнюю четверть и то не докончила. Потому что в одном чуме же жили, у младшего сына жили бабушка с дедушкой. У [родственника] жена селькупка была, она умерла; и вот теперь трое детей осталось... Бабушка немощной стала... И вот теперь я учиться бросила. Как же в моем чуме эти дети будут расти? [ж, 1949 г. р].

С развитием городской инфраструктуры и изменением политического направления государства возникли новые возможности для реализации жизненных стратегий представителей коренных малочисленных народов Севера. Считается, что новые стратегии, связанные с интеграцией в глобальный мир и уходом от традиционной занятости, способствуют языковому сдвигу у носителей. Информантка делится личным опытом о том, как после школы планировала выбрать профессию, подходящую для кочевого образа жизни, но в ходе знакомства с новыми людьми и развития общественного движения по защите прав КМНС решила уйти работать в медиа:

- (xiii) **Инф:** [Думала], отучусь на ветеринара, стану больше времени проводить в тундре. В своей стихии... Потом [после техникума], когда я приехала, какое-то время не могла работу найти. Тогда же началось движение активистов «Ямал — потомкам!», я была среди них. Они мне говорят: «Напиши статью, ты же молодая» [ж, 1971 г. р].

Некоторые информанты отмечают, что школьный быт до изменений Тарко-Сале в 1980-х годах ограничивал их взгляды на мир и предписывал ролевые модели людей, которых они видели в своей повседневности — учителя, воспитатели, бригадиры, чумработницы. С точки зрения эксперта, проработавшего в сфере администрации образова-

ния более 30 лет, перевес в сторону выбора городской жизни закрепился в начале XXI века с массовым распространением технологий, улучшающих образ жизни:

(xiv) **Инт:** После школы многие возвращаются в тундру?

Инф: Раньше да, много. Сейчас не так много. Это связано с тем, что блага цивилизации играют свою роль. Никто не хочет жить в некомфортных условиях [после опыта жизни в школе]. Все понимают, что дети быстро привыкают к удобствам: к унитазу, мылу, стиральной машине, холодильнику, телевизору, телефону, электричеству. Конечно, тундра все это не может дать... Хотя я видел и такие.

Результаты

Анализ собранных данных показал, что политика школы-интерната в Тарко-Сале по отношению к нешанскому языку могла быть менее жесткой по сравнению с практиками, зафиксированными в других интернатах СССР. Большинство опрошенных информантов отмечают, что не сталкивались с прямыми запретами на использование родного языка. Общение на лесном ненецком между школьниками-ненцами оставалось доступным, особенно в неформальных ситуациях внутри интерната.

Быт и досуговая деятельность воспитанников интерната варьировались в зависимости от поколения. По воспоминаниям информантов старшего поколения, большая часть их повседневной жизни проходила внутри стен учебного заведения с минимальным контактом с внешней средой. Напротив, младшие информанты чаще вспоминают, что проводили свободное время за пределами интерната, где доминирующим был русский язык. Эти изменения могут быть связаны с началом активного промышленного освоения региона и развитием инфраструктуры Тарко-Сале в 1980-х годах.

Кроме того, данные полевой работы показывают, что процессы урбанизации открывали перед молодым поколением новые жизненные траектории, тогда как старшие информанты после окончания школы возвращались в родные стойбища и продолжали традиционный уклад жизни на нешанском языке. В контекстах более мобильного младшего поколения миноритарный язык становится менее востребованным и постепенно вытесняется русским как основным средством общения.

Обсуждение

В этом исследовании я постарался проанализировать влияние образовательной среды школы-интерната в городе Тарко-Сале на процессы языкового сдвига в сообществе носителей нешанского языка. В центре внимания находятся восприятие и описание личного опыта обучения в интернате представителями разных поколений носителей. Изучение языкового сдвига с такой перспективы стало возможным по ряду причин. Во-первых, существовала уникальная ситуация относительно легкого регулирования лесного ненецкого языка в период советской системы образования. Во-вторых, важную роль сыграло нетипичное длительное сохранение поселка в неизменном виде на протяжении нескольких десятилетий и резкое расширение инфраструктуры в 1980-х годах.

Отсутствие жестких запретов и относительная автономность интернатского быта от русскоязычного окружения способствовали формированию своеобразного вынужденного языкового гнезда. В условиях доиндустриального поселка, где детям практически не было необходимости покидать территорию школы, языковая социализация происходила преимущественно внутри интерната. Среда за пределами учебного заведения не предлагала устойчивых точек притяжения, а строгий распорядок дня ограничивал свободу передвижения. Более того, для некоторых воспитанников среда могла восприниматься как потенциально

опасная. Причиной этому являются суровый климат и риск столкновения с дикими животными. Все эти экстралингвистические особенности, в совокупности с локальной языковой политикой, могли способствовать сохранению нешанского в течение нескольких поколений.

Полученные в ходе полевой работы данные подтверждают эту гипотезу. Однако важно подчеркнуть, что интернатная среда не была единственным фактором, обеспечивавшим относительную устойчивость лесного ненецкого до настоящего времени. Существенную роль на сегодняшний день продолжает играть общение внутри семьи. В воспоминаниях информантов многократно подчеркивается, что язык продолжает использоваться в семейном общении с детьми и взрослыми. Семья остается ключевым пространством, где язык продолжает существовать как востребованная повседневная практика.

Другим важным фактором, который мог отчасти сдерживать языковой сдвиг у более младших поколений, была ограниченность жизненных стратегий после окончания интерната. Государственная политика СССР зачастую не позволяла выстраивать альтернативные траектории для представителей КМНС, которые выходили бы за пределы традиционного уклада. Даже если траектории возникали, они часто оставались внутри системы, связанной с КМНС. Например, работа учителем, воспитателем в интернате. С одной стороны, такая занятость продолжала существовать в рамках повседневных практик, которые позволяли сохранить языку в традиционных сферах использования. С другой стороны, современные процессы глобализации и появление новых профессиональных социальных стратегий показывают, что нешанский язык, как и многие другие малочисленные языки, постепенно теряет позиции в борьбе за представленность и ресурсы носителей, оставаясь ограниченным в традиционных сферах употребления.

Одной из актуальных проблем, с которой сталкиваются носители нешанского языка сегодня, является отсутствие продвинутой учебной базы. В настоящее время отсутствует

полноценная линейка учебников, адаптированных именно под вариант лесного ненецкого языка. Школьники, обучающиеся в системе формального образования, как правило, используют материалы, ориентированные на тундровый. Это создает трудности в освоении языка. Я не могу сказать, что это как-то способствует развитию языкового сдвига. Скорее можно отметить, что занятие по учебникам тундрового ненецкого воспринимается как обучение иностранному языку. В последнее время замечаются тенденции, когда преподаватели своими силами переводят с тундрового на нешанский. Дети фактически изучают чужой для них тундровый язык, используя нешанский для его усвоения.

Ограничением этого исследования можно считать недостаточное фокусирование на отношениях внутри многодетной семьи. Очень часто жизненные стратегии детей регулируются необходимостью поддерживать жизнь старших родственников в чуме и следить за традиционным хозяйством. Всё это представляет нам ситуацию, в которой младшие дети имеют больше привилегий для построения независимой жизни от родителей, чем их старшие сиблинги. Часто это объясняется тем, что к моменту, когда младшие подрастают, родителям уже помогают старшие, и помощь новых людей становится не нужна, поэтому появляется возможность заняться собой. Всё это также влияет на замедление и ускорение языкового сдвига среди представителей одного поколения. На сегодняшний день существует малое количество исследований, посвященных влиянию образовательной среды на местах на формирование языкового сдвига. Большинство работ фокусируются на реализации государственной языковой политики на макроуровне. В будущем анализы конкретных случаев языковой политики в образовательных учреждениях могло бы улучшить понимание природы языкового сдвига среди специалистов.

Несмотря на полученные результаты, остаются открытые вопросы для обсуждения. Это исследование фокусируется на примере школы-интерната в Тарко-Сале. В течение

долгого времени это учебное заведение было единственным либо же самым большим в Пуровском районе, в него поступали учиться лесные ненцы со многих стойбищ района. Со временем ситуация стала меняться, стали появляться интернаты в других поселках и набирать новых учеников. Будущие исследования их опыта позволят дополнить тему, поднятую в моей работе.

Приложение 1. Сведения об информантах

Код	Пол	Год рождения
1-YD24	женщина	1975
2-YD24	женщина	1949
3-YD24	мужчина	1972
4-YD24	женщина	1991
5-YD24	женщина	1971
6-YD24	женщина	1984
7-YD24	женщина	1980
8-YD24	женщина	1970
9-YD24	мужчина	1951
10-YD24	женщина	1965
11-YD24	женщина	1972
12-YD24	женщина	1994
13-YD24	женщина	1960
14-YD24	женщина	1970
15-YD24	женщина	1962

Литература

Алпатов 2000 — Алпатов В. М. *150 языков и политика. 1917–2000. Социолнгвистические проблемы СССР и постсоветского пространства*. Москва, 2000.

Вахтин 1993 — Вахтин Н. Б. *Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации*. Санкт-Петербург, 1993.

Вахтин, Головкин 2004 — Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. *Социоллингвистика и социология языка*. Санкт-Петербург, 2004.

ВПН 2002 — Всероссийская перепись населения 2002 года. Владение языками (кроме русского) населением отдельных национальностей по республикам, автономной области и автономным округам Российской Федерации. URL: http://www.perepis2002.ru/ct/html/ТОМ_14_27.htm (дата обращения: 29.12.2024).

ВПН 2020 — Всероссийская перепись 2020 года. Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 29.12.2024).

Гренобль 2021 — Гренобль Л. Социоллингвистика и языковой сдвиг: к пониманию процессов сдвига через призму носителей. *Социоллингвистика*, 2021, 2(6): 9–35.

Давыденко и др. 2022 — Давыденко В., Колчинская Е., Яковлева П. Доступность образования для коренных малочисленных народов Севера. *Образовательная политика*, 2022, 1: 34–38.

Коряков 2018 — Коряков Ю. Б. Проблема язык или диалект и самодийские языки. *Урало-алтайские исследования*, 2018, 4(31): 156–217.

Малые языки России: Нешанский язык — Нешанский язык. *Малые языки России*. URL: <https://minlang.iling-ran.ru/lang/neshanskiy-yazyk> (дата обращения: 29.12.2024).

Малышева, Набок 2015 — Малышева Е. В., Набок И. Л. Образование коренных малочисленных народов Арктики: проблемы и перспективы развития. *Общество. Среда. Развитие*, 2015, 1: 139–144.

Нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации 2011 — Нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации. URL: https://web.archive.org/web/20110722015100/http://zakon.scli.ru/ru/legal_texts/legislation_RF/index.php?do4=document&id4=72fc57b3-63cb-4a68-b671-5c403906b228 (дата обращения: 29.12.2024).

ПИМА 2024 — Полевые материалы автора. Экспедиция в Пуровский район ЯНАО, лето 2024 года.

Старейшая в районе 2024 — Старейшая в районе: школе-интернату в Тарко-Сале исполнилось 90 лет. URL: <https://www.mk-yamal.ru/social/2023/12/19/stareyshaya-v-rayone-shkoleinternatu-v-tarkosale-ispolnilos-90-let.html> (дата обращения: 29.12.2024).

Ткачук 2023 — Ткачук Н. В. Формирование этнокультурной компетентности обучающихся из числа коренных малочисленных народов Севера в условиях школ-интернатов (на примере Ханты-Мансийского автономного округа — Югры). *Вестник Угроведения*, 2023, 13: 388–397.

Хаминов 2022 — Хаминов Д. В. Администрирование и нормативное регулирование советской системой общего, среднего и высшего образования в контексте государственной политики и идеологии в СССР (историко-правовой аспект). *Вестник Томского государственного университета*, 2022, 479: 273–285.

РН-Пурнефтегаз 2024 — ООО «РН-Пурнефтегаз». URL: https://purneftegaz.rosneft.ru/about/Glance/OperationalStructure/Dobicha_i_razrabotka/Zapadnaja_Sibir/purneftegaz/ (дата обращения: 29.12.2024).

Grenoble 2003 — Grenoble L. A. *Language Policy in the Soviet Union*. New York; Boston; Dordrecht; London; Москва, 2003.

Liarskaya 2013 — Liarskaya E. Boarding school on Yamal: History of development and current situation. *Sustaining Indigenous Knowledge: Learning Tools and Community Initiatives for Preserving Endangered Languages and Local Cultural Heritage*. Ed. by Erich Kasten, Tjeerd de Graaf. Fürstenberg; Havel, 2013, 159–180.

Sasse 1992 — Sasse H. J. Theory of language death. *Language death: Factual and theoretical explorations with special reference to East Africa*. Ed. by Matthias Brenzinger. Berlin; New York, 1992, 7–30.

References

Alpatov V. M. *150 yazykov i politika. 1917–2000. Sotsiolingvicheskie problemy SSSR i postsovetskogo prostranstva* [150 languages and politics. 1917–2000. Sociolinguistic problems of the USSR and the post-Soviet space]. Moscow, 2000. (In Russ.)

Davydenko V., Kolchinskaya E., Yakovleva P. Dostupnost' obrazovaniya dlya korennykh malochislennykh narodov Severa [Accessibility of education for indigenous peoples of the North]. *Obrazovatel'naya politika*, 2022, 1: 34–38. (In Russ.)

Grenoble L. A. *Language Policy in the Soviet Union*. New York; Boston; Dordrecht; London; Moscow, 2003.

Grenoble L. Sotsiolingvistika i yazykovoy sdvig: k ponimaniyu protsessov sdviga cherez prizmu nositeley [Sociolinguistics and language shift: understanding the shift processes through the lens of speakers]. *Sotsiolingvistika*, 2021, 2(6): 9–35. (In Russ.)

Koryakov Yu. B. Problema “yazyk ili dialekt” i samodiyskie yazyki [The “language or dialect” problem and the Samoyedic languages]. *Uralo-altaiskie issledovaniya*, 2018, 4(31): 156–217. (In Russ.)

Khaminov D. V. Administrirovanie i normativnoye regulirovanie sovetskoy sistemoy obshchego, srednego i vysshego obrazovaniya v kontekste gosudarstvennoy politiki i ideologii v SSSR (istoriko-pravovoy aspekt) [Administration and regulatory framework of the Soviet system of general, secondary, and higher education in the context of state policy and ideology in the USSR (historical and legal aspect)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 479: 273–285. (In Russ.)

Liarskaya E. Boarding school on Yamal: History of development and current situation. *Sustaining Indigenous Knowledge: Learning Tools and Community Initiatives for Preserving Endangered Languages and Local Cultural Heritage*. Ed. by Erich Kas-ten, Tjeerd de Graaf. Fürstenberg; Havel, 2013, 159–180.

Malysheva E. V., Nabok I. L. Obrazovanie korennykh malochislennykh narodov Arktiki: problemy i perspektivy razvitiya [Education of indigenous peoples of the Arctic: problems and

development prospects]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, 2015, 1: 139–144. (In Russ.)

Neshanskiy yazyk [Neshan language]. *Malyye yazyki Rossii*. URL: <https://minlang.iling-ran.ru/lang/neshanskiy-yazyk> (accessed: 29.12.2024). (In Russ.)

Normativnyye pravovyye akty sub"yektov Rossiyskoy Federatsii [Regulatory legal acts of the constituent entities of the Russian Federation]. URL: https://web.archive.org/web/20110722015100/http://zakon.scli.ru/ru/legal_texts/legislation_RF/index.php?do4=document&id4=72fc57b3-63cb-4a68-b671-5c403906b228 (accessed: 29.12.2024). (In Russ.)

PMA 2024. Polevyeye materialy avtora. Ekspeditsiya v Purovskiy rayon YANAO, leto 2024 goda [Author's field data. Expedition to the Purovsky district, Yamal-Nenets Autonomous Okrug, summer 2024]. (In Russ.)

RN-Purneftegaz. ООО «RN-Purneftegaz» [RN-Purneftegaz LLC]. URL: https://purneftegaz.rosneft.ru/about/Glance/OperationalStructure/Dobicha_i_razrabotka/Zapadnaja_Sibir/purneftegaz/ (accessed: 29.12.2024). (In Russ.)

Sasse H. J. Theory of language death. *Language death: Factual and theoretical explorations with special reference to East Africa*. Ed. by Matthias Brenzinger. Berlin; New York, 1992, 7–30.

Stareyshaya v rayone: shkole-internatu v Tarko-Sale ispolnilos' 90 let [The oldest in the district: the boarding school in Tarko-Sale turned 90 years old]. URL: <https://www.mk-yamal.ru/social/2023/12/19/stareyshaya-v-rayone-shkoleinternatu-v-tarkosale-ispolnilos-90-let.html> (accessed: 29.12.2024). (In Russ.)

Tkachuk N. V. Formirovanie etnokul'turnoy kompetentnosti obuchayushchikhsya iz chisla korennykh malochislennykh narodov Severa v usloviyakh shkol-internatov (na primere Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga – Yugry) [Formation of ethnocultural competence in students from the indigenous peoples of the North in the context of boarding schools (on the example of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra)]. *Vestnik Ugrovedeniya*, 2023, 13: 388–397. (In Russ.)

Vakhtin N. B. *Korennoye naseleniye Kraynego Severa Rossiyskoy Federatsii* [The Indigenous population of the Far North of the Russian Federation]. St. Petersburg, 1993. (In Russ.)

Vakhtin N., Golovko E. *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka* [Sociolinguistics and sociology of language]. St. Petersburg, 2004. (In Russ.)

Vserossiyskaya perepis naseleniya 2002 goda [Russian census of 2002]. *Vladenie yazykami (krome russkogo) naseleniyem otdel'nykh natsional'nostey po respublikam, avtonomnoy oblasti i avtonomnym okrugam Rossiyskoy Federatsii* [Language proficiency (excluding Russian) by nationalities in republics, autonomous oblast, and autonomous districts of the Russian Federation]. (In Russ.)

Vserossiyskaya perepis naseleniya 2020 goda [Russian census of 2020]. *Itogi VPN-2020. Tom 5. Natsional'nyy sostav i vladenie yazykami* [Census 2020. Section 5. National composition and language proficiency]. (In Russ.)